

Хранитель

Эта картина и сегодня у меня перед глазами.

Ранняя весна 2001 года. Улица Советская. Остановка возле прокуратуры. Народ в ожидании автобуса. Владимир Иванович Панфилов. Невысокий, худощавый, в чёрной дублёнке до пят, с интеллигентной бородкой и в неизменных очках в тонкой оправе. «Хочу о вас написать», — почти с ходу заявляю ему. «Давно пора», — в унисон мне звучит ответ.

А через пару дней мы идём на станцию юных туристов, где, по мнению Владимира Ивановича, есть возможность спокойно поговорить. Перебираясь через сугробы с центральной трассы на тротуар, слышу его недовольное бурчание:

— Не город, а трасса Москва—Холмогоры. Снег почти не убирается, проезжая часть выше бульвара. Иной непосвящённый, проезжая через Переславль, и понять не может, что это такое. Посёлок не посёлок. Станция не станция. Во дворах грязь. Раньше идёт городской по городу. Подошёл к Иванову, Петрову, Сидорову. И кулак ему под нос: «Каналья, смотри на меня! Чтоб к утру всё было чисто». Русский человек к кулаку во как привык...

Мой собеседник — личность в городе известная. Бывший замдиректора по науке местного историко-художественного музея, автор увлекательных рассказов из жизни своих земляков, самый коренной из коренных переславцев, чьи предки несколько столетий жили на берегах Плещеева озера.

А ещё великолепный знаток истории, хотя бы энциклопедия переславского края, моя незаменимая палочка-выручалочка. Сколько раз он легко и непринуждённо посвящал меня в историю старинных домов, улиц и храмов Переславля. И я только диву давалась его памяти и обширным познаниям. А ещё по-хорошему завидовала его знакомству с интересными людьми, которое подарила ему работа в музее.

...Но всё это было-было. Уже год как не видно Владимира Ивановича Панфилова на улицах родного города. Осенней порой его жизнь при переходе через дорогу оборвал автомобиль. И осталась лишь память. И сотни экспонатов в переславском музее, собранные его руками со всех уголков переславского края. А ещё чувство вины. Я так и не написала о нём при жизни. А он ждал, надеялся. И до сих пор лежит кассета с нашей беседой. И, пожалуй, лучшее, что можно сделать в годовщину гибели этого человека, — это включить диктофон. И услышать его собственный рассказ о себе. Я позволила лишь слегка сократить его и убрать свои вопросы.

— Вы спрашиваете, что привело меня в музей? Меня сердце, душа туда тянули. Я ещё с раннего возраста, когда жил в родном доме по Ростовской — на его месте сейчас гостиница, — страстно увлёкся историей. А началось с того, что в наш дом подселили старичков Кикиных из Москвы. Он — благообразный, в тройке, в пенсне, вылитый Киса Воробьянинов с экрана. А Елизавета Петровна — педагог, историк. Дама не скажу строгая, но требовательная. Жили они одиноко, и было им скучно. А мне было в ту пору лет шесть-семь. Для них любопытнейший возраст. И была у них блистательная библиотека. И мало-помалу стала Елизавета Петровна мне книжки давать. Преимущественно исторические. Читать я начал с трёх лет. А память у меня была! Стоило два раза прочитать страницу — и всё. Мог наизусть повторить. Уже в первом классе я знал почти всего Карамзина.

В школу пошёл в годы войны. И то, что получал в ней, было таким мизером, что, вероятно, поэтому я ненавидел её всю жизнь. Идти в школу — это для меня дорога на Голгофу. Особенно первого сентября. К этому числу школьные стены и полы красили такой поганой

краской, что меня долгое время, когда приду на похороны, преследовал этот запах. Гробы лет сорок назад не обивали. Их красили. И чем дешевле краска, тем дешевле обошёлся покойник.

В школе повезло лишь с историей. Её блестяще преподавал сам директор Дмитрий Сергеевич Кадосов. По-моему, выпускник московского университета.

...После демобилизации — а прошёл я венгерскую кампанию — школьный друг Юра Рыбаков успел соблазнить меня поступать в Московский историко-архивный институт. Вступительные экзамены сдавал Николаю Владимировичу Устюгову, выдающемуся русскому историку. Сдавал час. Потом узнал: он просил, чтобы меня освободили от сдачи остальных экзаменов. Вундеркинд в институте объявился.

Но проучился я на очном немного. Жить было очень трудно. Стипендия сто семьдесят рублей. Да и матушка покойная твердила: переходи на заочное. Манил меня и директор музея Константин Иванович Иванов. Я в восьмом-девятом классе занимался у него в краеведческом кружке.¹ И экспозицию музея уже знал. Для меня он был отец родной. Врождённый музейный работник. Собиратель. Любовь к собирательской работе он мне привил.

Пришёл я в музей ноябрьским днём 19-го числа 1959 года. И ушёл тоже ноябрьским днём 2000 года. Был, правда, перерыв. В 1968 году по линии ЦК комсомола меня переводят на три года в Ростов, где строился международный молодёжный центр.

А послужили этому события 67-го года. В этом году в Переславль приезжает сама Екатерина Алексеевна Фурцева вместе с комсомольскими лидерами страны, в том числе с Борисом Николаевичем Пастуховым. Тогда, по-моему, вторым секретарём ЦК ВЛКСМ. Екатерина Алексеевна мне очень понравилась. Общительная, простая, чопорности никакой. Я вёл для них экскурсию по городу. Заканчивалась она осмотром Никитского монастыря. И как сейчас помню: стоим мы в середине Никитского монастыря, Борис Николаевич и говорит:

— Екатерина Алексеевна нам предлагает организовать туристический маршрут по городам Древней Руси. Какой бы город вы предложили центром «Золотого кольца»?

— Ну, безусловно, мой город.

— А какие у вас доводы?

— Переславль — пуп русской земли. Он в самом её эпицентре. Судите сами: 140 километров от Москвы, 140 — от Владимира, столько же от Ярославля. Рядом прекраснейшее озеро, изумительные русские леса.

— Так-то оно так. Но Фёдоровский монастырь мы посмотрели. Не очень понравился. Нам предложили Ростовский кремль.

— Это, конечно, святыня. Кроме ещё Борисоглебского.

— А вы сможете проводить нас до Борисоглебского?..

И на пяти или шести машинах мы помчались в Борисоглебский. Крепость произвела впечатление. Но всё равно выбор пал на Кремль. Хотя он тоже был почти развалюха. Не поверите, до этого лет пять назад через него дорога шла Москва—Ярославль.

...30 апреля 1969 года мы открыли международный молодёжный центр «Ростов Великий». На него было любо-дорого посмотреть. Иностранцы считали за честь побывать там. Я даже организовал прокат на тройках по борисоглебскому сосновому лесу.

А во время поиска возков одно открытие для себя сделал. Две колокольни всегда считались самыми высокими — 84-метровая в Троице-Сергиевой лавре и 96-метровая в Поречье, на другой стороне — озеро Неро. А тут приезжаю в село Васильевское Шуйского уезда. Места красивейшие. Бывшая муромская земля. Знаменитое русское Ополье. И стоит невероятной высоты колокольня. Метров сто десять. Я — в церковь, где в то время столярная мастерская была: «Мужики, не могли бы измерить до шпиля?» И трояк даю. А тогда на три рубля бутылку водки купить можно было. Они забрались наверх (колокольня в лесах стояла), отвес положили — 106 метров! А со шпилем — все 116! Приезжаю в Андроновский монастырь к своему учителю Николаю Николаевичу Померанцеву, одному из известных русских искусствоведов. Я с ним знаком был по Переславлю. Мне посчастливилось ходить

¹Мы особо подчёркиваем эту открытость музея для людей, утраченную после смерти К. И. Иванова. — *Ред.*

с ним по нашим церквям. Собирали иконопись. И он меня великолепно образовал в знании иконописи, скульптуры.

— А вот не знаете, любезнейший Николай Николаевич, где стоит самая высокая колокольня? — задиристо вопрошаю его.

— Думаешь, не знаю? Знаю. Хочешь, скажу, на какую букву село называется?

В марте 73-го по просьбе матери вернулся в Переславль. Работал немного на турбазе. В сентябре директор музея Мария Сергеевна Осипова пригласила к себе замом по науке. Музей начинал перестройку. С первого дня убрал из экспозиции документы, рассказывающие о первых годах советской власти. В моё отсутствие Константин Иванович по ночам их исправлял и так доисправлялся, что по его документам выходило, что советская власть вначале в Переславле началась, а потом в Петрограде. Со смеху умирали.

Тут же приступил к собирательской работе для создания второго по счёту отдела советского периода. Курировал эту работу Ярославский музей во главе со своим замом по науке Михаилом Германовичем Мейеровичем. Высшего пилотажа профессионал музейного дела, великолепнейший экспозиционер. Он ничего не мог сделать по собирательной работе, но как теоретик зашибёт кого угодно. Он был русский еврей, фронт прошёл, награды имел. Сейчас в Израиле. Долго не мог решиться уехать из России. Какова его судьба? Жив ли, нет ли? Я ему до гробовой доски благодарен, что он научил меня строительству экспозиций.

...А что такое собирательская работа? Это прежде всего умение подойти к человеку. Допустим, я пришёл к вам. А ваш отец был участником гражданской войны. И сохранились его куртка, фуражка, награды. А для вас это реликвия. Сколько нужно было применить энергии Цицерона, чтобы заполучить их для музея?! В основном, конечно, собирали или утварь, или документы. Но были и исключения. И весьма любопытные находки.

В начале 60-х годов по приказу Хрущёва было закрыто по стране около 900 церквей. В том числе и сельский храм в селе Дмитровском. А мы знали, что там есть четыре апостола. И ещё кое-какая утварь. Одним словом, прихватив с собой двух рабочих, мы с Константином Ивановичем отправились в село. А в церкви он мне и говорит: «Володь, ты у нас миниатюрный, слазь за иконостас». Я полез. И в темноте наткнулся на что-то деревянное. Вытащил. Оказалась резная по дереву икона «Тайная вечеря» работы местного крестьянина. Христос и одиннадцать евангелистов. А у учеников Христа лица крестьян села Дмитровского. Курносые, с синими носами. И сидят они во главе с попом, видимо, большим поклонником Бахуса.

«Володь, посмотри с другой стороны», — вновь просит меня Константин Иванович. Опять лезу за иконостас и спотыкаюсь обо что-то тяжёлое. Наклоняюсь — бутыл! Ну, думаю, с гарьим маслом. Потряс — почти полная. Вытаскиваю. А с нами был дядя Вася, сантехник. На все руки мастер. Хоть колокол снять, хоть крест повесить. «Нет, — говорит, — это не гарье масло». Подходит и своей мощной рукой вырывает пробку — как пахнет вонючим кагором! Моментально откуда-то взялись две банки и кружка. И первую мне протягивают: «Ты герой — ты первый». Минут через десять я счастливейший человек. А работяги так присосались к этой крови Христовой, что Константин Иванович, не мешкая, скомандовал: «Закрывай бутылку и увозим». И вместе с апостолами, «Тайной вечерей» и бутылкой, довольные и счастливые, вернулись в город. Два дня допивали потом в Даниловском монастыре.

А фотографию «Тайной вечера» отправили мы в Третьяковку, откуда тут же примчалась научный сотрудник. «Вы не имеете права хранить её у себя. Это очень ценная вещь». Но как она ни билась, мы не отдали. Так она в нашем музее и хранится.

Были и другие случаи. Менее благостные. В 68-м году я со своим другом — московским художником Павлом Кучеровым выехал в северный угол Переславского района посмотреть часовенку. И по возможности разобрать её и перевезти на территорию музея. Для лучшей сохранности. Две часовенки, что сегодня стоят в нашем музее, мы таким образом спасли от разрушения. Остановились на ночлег у потомственного священника Александра Фёдоровича Донского, пятнадцать лет отсидевшего в сталинских лагерях. В июне 29-го года в Варфоломееву ночь по всей стране было посажено 25 тысяч священников. И он в том числе.

А наутро у меня была назначена встреча со старостой по поводу часовни. Заводит она меня в избу и сажает под икону. Тут же набивается народ. Шум, гвалт. На меня смотрят

как на врага народа: «Не отдадим часовенку!» Вошли трое пьяных мужиков и ко мне. «Ну, всё, — думаю. — Вышибаю окно и вылетаю, как Гришка Отрепьев, под крики: «Держите вора!» А всё к этому и клонилось. И входит Павел. Участник Парада Победы, командир роты разведчиков. Смелость невероятная. «Вы что, люди?! Он к вам пришёл с мирными намерениями, с желанием сохранить святыню ваших отцов, а вы хотите его растерзать?»

Усмирил страсти. Мы попрощались и тотчас исчезли из этой деревни.

Жалею, конечно, что не смогли мы приобрести для музея ещё несколько интересных экспонатов. В частности, на «Красном эхе» был конный двор. И на том дворе стояли санитарные возки, на которых медики до больных добирались. Когда я приехал за ними, оказалось, директор фабрики Павел Васильевич Соболев их в утиль сдал. А я ведь с ним договаривался. Нас это страшно с Константином Ивановичем обидело. И старую машину «скорой помощи» хотели взять. Тоже не дал. Взял и в утиль сдал.

А вот трактор «Фордзон» у нас в музее есть. Есть и огромная шерстобойная машина, которую мы из села Андриановского привезли. Вообще, не хочу хвастать, но из 90 тысяч нынешних экспонатов музея, пожалуй, около 20 тысяч собрано или мною, или под моим руководством.

12 февраля 1997 года считаю своим последним подвигом собирательства. Из бывшего клуба Дзержинского перевёз концертный рояль, на котором Фёдор Шаляпин играл. Без единого рубля у мошенников взял! Подъехал с солдатами из воинской части, загрузил в машину — и в музей. Меня пытались остановить, но я не долго думал: «Никаких цен не признаю. Вещь государственная». А сообщил мне о рояле известный переславский музыкант, дирижёр, хореограф Виктор Сорокин: «Иваныч, заberi инструмент, пока прихватизаторы к рукам не прибрали».

...Работа в музее подарила мне и знакомство со многими замечательными людьми.

Помню, влетает в рабочую комнату в музее мужчина-москвич: среднего роста, в ботиночках, в полушубке. Встал посередине комнаты и представляется: «Михаил Васильевич Третье Блюдо». Оказывается, Киселёв. Он был великолепный краснодеревщик и маляр. Рассказывал, когда мальцом впервые кисть взял в руки, махнул её по стене — как посыпались на него со всех сторон подзатыльники. Он понять ничего не может. А это мастеровые: «Вот сукин сын! Сколько ты прольёшь капель, столько получишь подзатыльников. Это кисть, это святое дело». И эта наука ему на всю жизнь впрок пошла. Он так белил у нас сводчатые потолки, что ни одной капли не упало. Это надо видеть! После наших-то неделю полотыли.

Во время строительства экспозиции второго отдела советского периода вместе с московским художником Семёном Блохом работал у нас в музее художником-оформителем и зять Шолохова — Юра. Он писал текст на этикетках. И как он их писал? Пишет-пишет — и раз в туалет. А у него там бутылка. А мне и невдомёк, что он пьёт. Я тогда не пил. И к концу дня сидит уже почти никакой. Но при этом ни одной ошибки. Шолохов его любил. Как сойдутся — дым коромыслом. Очень обаятельный человек был. Говорят, жена его поколачивала.

За два года перед смертью приезжал в Переславль Константин Паустовский. Очень мне понравился. Он уже был в тридцатые годы в переславском крае. Встречался с Пришвиным, которого, кстати говоря, органически не любил. А в середине шестидесятых хотел здесь купить дачный домик. И я знакомил его с городом и окрестностями. Места очень понравились. И было бы величайшим приобретением, если бы Константин Иванович здесь остался. Он сам по себе был гражданином. Это не Пришвин. Тот даже ни одной лекции не прочитал в тёмном углу Усоляя. Он даже не был в Переславле. А потом самый настоящий альфонс. У него было 3—4 жены, за счёт их и жил. А Паустовского после нашей встречи я перечитал снова. И считаю его последним русским классиком.

Павла Корина (советский живописец, народный художник СССР, автор триптиха «Александр Невский» и других) здесь встречал. У меня в квартире его рисунок сохранился. Вхож был в его дом и мастерскую в Москве. Встречал меня как родного человека. Он любил Древнюю Русь и Переславль очень любил. И чувствовалось, что он весь в прошлом. Не зря говорил «уходящая Русь».

А вот Сергей Коненков (советский скульптор, народный художник СССР) произвёл на меня впечатление чуть ли не сумасшедшего человека. Познакомились мы с ним в 1967

году, когда я собирал материалы по всему краю на выставку в честь 50-летия советской власти, которая демонстрировалась в Ростове. И привёз туда резьбу по дереву, в том числе великолепные наличники переславского мастера Вьюгина. Коненков купил эти наличники. И когда узнал, кто привёз, всё целовал меня: «Сопливый мальчишка, как ты понял?» Тогда и адрес свой дал. Рассказывал, как где-то в Тутаевском районе, в одной из деревень всю бригаду спойл. Председатель колхоза в Москву телеграмму послал: «Заберите своего художника. Не даёт работать. Спойл всю бригаду». Показывал мне и умирал со смеху: «Паша Корин всё горюет: «Русь ушла». Не ушла».

Володя Высоцкий вместе с Виктором Попковым (советский живописец и график, лауреат Государственной премии СССР) ночевал у меня в доме. А бывал он в Переславле несколько раз. Вы слышали про поэта Володю Кострова? Его отец имел дом в Троицкой слободе. И они туда приезжали. А тут они зашли ко мне в гости. Я Высоцкого и не знал тогда. Это было где-то в середине шестидесятых. И его хрипкое пение на гитаре не понравилось ни мне, ни матери. Я воспитан на романсах. И не переносу такую манеру исполнения. Артистов вообще не признаю. Часто задирали их: собрать бы все ваши театры да музеям передать. А то загнали нас в монастыри да в подвалы (смеётся).